

А.Я. Гуревич **СКАНДИНАВИСТИКА И
МЕДИЕВИСТИКА***

Эта тема нуждается в некотором обосновании. Знакомство с научной литературой привело меня к выводу, что интенсивная работа скандинавистов - филологов, историков, антропологов - оказывается, как правило, за пределами того круга вопросов, которые интересуют медиевистов, изучающих средневековую континентальную Европу; сплошь и рядом здесь нет взаимопонимания, взаимообогащения или, я бы даже сказал, - взаимооплодотворения. Разумеется, скандинависты так или иначе, хотя бы понаслышке, знают об историческом развитии в других регионах Европы. Как выразился один мой норвежский коллега, "ну, была же еще и остальная Европа". С другой стороны, меня поражает невежество, отсутствие первичных знаний в области скандинавистики даже у эрудированных специалистов, изучающих историю Франции, Англии, Италии и т.д. Много лет назад - я где-то об этом даже писал - в ответ на мои слова о том, что я перевожу сагу (мы готовили перевод "Круга Земного" для серии "Литературные памятники") один из моих высокоученых коллег спросил меня: "Сколько же стихов в день вы можете перевести?" Мой собеседник не подозревал, что сага - ярчайший образец средневековой прозы. Нельзя не знать Гомера, Еврипида, Цицерона, Аристотеля - это входит в джентльменский набор интеллигентного человека - ведь мы наследники античности. А что творилось на севере диком, - по-видимому, недостойно его внимания. Между тем наследие скандинавской истории вошло в плоть и кровь общего фонда европейской культуры.

Но я хотел бы остановиться на некоторых гносеологических трудностях, возникающих из-за этого взаимонепонимания или отсутствия пристального интереса. Начну с примера. Несколько лет назад весьма уважаемый мною крупный медиевист любезно прислал мне из-за океана для ознакомления рукопись своей еще не опубликованной книги. Текст в высшей степени интересный; он содержит результаты настойчивых, изощренных и в большинстве своем весьма удачных попыток обнаружить в средневековых латинских текстах или текстах, написанных уже на народных языках, те следы культуры низов, культуры необразованных, которые могли найти прямое, чаще косвенное, отражение в творчестве образованных - litterati-клириков или прошедших выучку мирян. Пласт сознания простого человека, как вы знаете, весьма плохо прощупывается медиевистами. В этой книге изучаются испанские, английские, венгерские, французские и другие источники, равно как разные проявления взаимодействия ученой культуры и культуры более широких слоев населения. Но поражает один пробел: Скандинавии не существует, она не упоминается.

* Доклад, прочитанный в Институте всеобщей истории в сентябре 1998 г., посвящается Владимиру Николаевичу Топорову.

Полагаю, это не сознательно избранная позиция. У меня такое впечатление, что о Скандинавии просто забыли - возможно, потому, что тут есть трудности: надо учить другие языки и вникать в огромную научную литературу. Но так или иначе результат налицо - игнорируются наиболее богатые по содержанию памятники, средневековые тексты, из которых можно было бы извлечь целые пласты материала, характеризующие ментальность, культуру, картину мира так называемых простолюдинов. Эти тексты были созданы на скандинавском севере, прежде всего в Исландии, но, я убежден, имеют не только локальное значение, но отражают определенный срез сознания, который присутствовал в средневековье у многих других, прежде всего у германских народов. Создаются перекосы в исследованиях. Но невежество не есть аргумент.

Сближению скандинавских и медиевистических исследований, судя по всему, препятствуют идеологические наслоения. В период после окончания второй мировой войны у части историков как в Германии, так и в англосаксонском мире возникло определенное противодействие изучению древних германцев и скандинавов. Память о злоупотреблениях данными исторической науки в Третьем рейхе, об эксплуатации германского и скандинавского материала в целях утверждения "нордической" идеологии и оголтелого шовинизма травмирует некоторых медиевистов. Но, я полагаю, игнорировать германско-скандинавские древности означало бы идти на неоправданные уступки потерпевшей исторической крах идеологии нацизма. Опыт истории исторического знания свидетельствует, к сожалению, о том, что злонамеренному и антинаучному мифотворчеству были уже принесены огромные жертвы, и эта констатация относится к самым разным эпохам истории. Возможно ли объективное исследование истории древних германцев и скандинавов? Несомненно, ответ должен быть утвердительным. Но предрассудки тем не менее сохраняются, и мне кажется уместным и своевременным призвать к их преодолению.

Почему именно сейчас вопрос о соотношении медиевистики и скандинавистики приобретает особенное значение? Дело заключается в том, по моему убеждению, что наиболее плодотворной ветвью исторического знания, направлением, сулящим историку новые находки, новые ходы мысли, является историческая антропология. При этом подходе изучение экономики, политических, юридических и других институтов происходит не отвлеченно от духовной жизни; все эти сферы социальной деятельности неизбежно составляли аспекты человеческого сознания, индивидуального или группового, и не могут быть поняты адекватно вне этого всеобъемлющего контекста. Во всех этих институтах была в конечном счете одна и та же основа, а именно - люди, индивиды, организованные в малые и большие группы. Они творили экономическую, политическую, правовую, религиозную историю, историю искусств и т.д. Отвлекаясь от содержания мысли, от менталитета этих людей, мы не поймем и социально-экономических, юридических и религиозных явлений. Историческая антропология - это направление, ко-

торое синтезирует разные ветви исторического знания, и я думаю, что, вопреки пророчествам иных Кассандр из среды историков, она далеко не исчерпала своих возможностей. Посмотреть, как взаимодействуют скандинавистика и медиевистика, оказывается в этой связи особенно настоящей потребностью исторической, а говоря шире, гуманитарной науки. Остановившись на некоторых примерах, укажу на те поля, в которых можно трудиться для того, чтобы обнаружить значение скандинавских материалов для понимания всей средневековой европейской истории.

Собственно, тот предмет, которым занимается историческая антропология, вслед за некоторыми французскими историками, в частности Роже Шартье, следовало бы назвать так: культурная история социального. Культура как достояние умов, элиты прежде всего, и социальный строй, включающий в себя не только политические и общественные институты, но и экономику, базисные, как у нас было принято говорить, отношения, в исторических исследованиях, как правило, разведены. Обнажить их внутреннее единство, пусть противоречивое, признать тот несомненный факт, что и в культуре, и в общественном производстве, и в социальной жизни действовали люди, т.е. обнаружить человеческое содержание культурной истории социального, мне кажется наиболее заманчивой задачей исторического познания. Это проблема исторического синтеза, как она стоит перед историками на рубеже второго и третьего тысячелетий.

С этим связан первый пример. Изучение исландских саг свидетельствует, что огромную роль в общественной, в повседневной жизни людей играл обмен всякого рода материальными ценностями или информацией, обмен женщинами, т.е. организация отношений между разными семейными группами - обмен, основанный на принципе взаимности (*reciprocity*). С особой наглядностью этот принцип проявляется в обмене дарами. Человек дарит какое-то имущество, пусть небольшое, другому человеку, в котором он заинтересован, и ждет "отдарка". На дар ждут ответа, точнее, как сказано в Старшей Эдде, дар ждет отдарка. Человек, получивший подарок, должен компенсировать того, кто ему подарил, своим ответным даром. Иногда в этом мог быть определенный экономический смысл, но сплошь и рядом материальной подоплеки мы не найдем.

В одной саге рассказывается: исландский бонд, простолюдин подарил соседу двух черных быков одной породы. Тот через некоторое время совершил отдарок: он подарил точно таких же двух быков, но уже рыжей расцветки. Здесь перед нами совершенно определенно не экономическая в строгом смысле слова процедура, а процедура, связанная с символическим взаимодействием, не сосредоточенным на материальных ценностях, взаимодействием между людьми и группами.

Еще в начале XX в. в Дании вышла работа гениального, по-моему, датского историка Вильгельма Грэнбека "Наш народ или наши предки в древности", которая была переведена на ряд языков. В ней характери-

зуются общественные отношения и духовная жизнь скандинавов и шире - германцев на протяжении ряда столетий. Хотя методы, которые употреблял Грэнбек, - это методы начала века, а не историко-антропологические в строгом смысле слова, книга сохраняет свое стимулирующее значение. В ней довольно подробно и очень проникновенно говорится об обмене дарами и о той роли, которую этот обмен играл в жизни германских народов. Классическая работа французского антрополога Марселя Мосса "Этюд о даре", которая недавно наконец увидела свет и в русском переводе, говорит об универсальности обмена дарами под всеми широтами. Мосс сосредоточивает внимание на так называемых примитивных культурах. Между тем американская исследовательница Натали Земон Дэвис, которая к скандинавистике, кстати, не имеет никакого отношения, продемонстрировала, что во Франции XVI в., где уже ни о какой примитивности говорить не приходится, где в недрах Старого порядка уже зарождаются буржуазные отношения, обмен дарами, подарки играли огромную роль. До нее историки не обращали на это должного внимания. Вот пример того, как исследования, которые питались прежде всего скандинавскими материалами, оказались продуктивными для стимулирования новых исследований, опирающихся отнюдь не на скандинавский материал. Подчеркивать значимость обмена в широком смысле как принципа взаимности для понимания социальных и правовых структур, мне кажется, нет необходимости: это самоочевидно для каждого историка, склонного размышлять на эту тему.

Второй вопрос, на котором мне хотелось бы остановиться. К сожалению, на рубеже 50-60-х годов XX столетия почти прекратились аграрные исследования, исследования социально-экономических отношений в широкой толще средневекового европейского населения, прежде всего крестьянства. Помимо того что ведущие специалисты по социально-экономической истории, главы школ, такие, как у нас Е.А. Косминский, Н.П. Грацианский, А.И. Неусыхин, скончались или прекратили свою продуктивную деятельность к 60-м годам, тут были, конечно, гораздо более глубокие причины. Примерно в это же время интерес к аграрным исследованиям иссяк и далеко за пределами нашей страны - в Германии и особенно, как я отмечал, во французской школе "Анналов". Дюби, Леруа-Ладюри и другие выдающиеся ученые, которые как раз в 50-60-е годы создали работы в области социально-экономической аграрной истории, перешли к другой проблематике. Что-то произошло со всеми нами, интерес переместился на другие предметы. Это закономерно, но при этом мы несем потери. Дошло до того, что мы перестали вообще что-то изучать в области социально-экономических аграрных отношений.

Мое обращение к изучению Скандинавии было продиктовано интересом именно к этим предметам, к поземельным отношениям. Изучение древнескандинавских институтов, прежде всего института одаля, "оказывает, что здесь отношение человека к земле имело определенные особенности, которые, однако, едва ли являются сугубо скандинав-

скими. Но это отношение здесь видно с наибольшей наглядностью. В чем оно выражается? Вопрос о том, частная или общинная собственность на землю существовала в раннее средневековье, оказывается ир-релевантным, неправильно поставленным, потому что речь идет прежде всего о такой форме собственности, в которой в постоянный, интенсивный, я бы сказал, интимный оборот включены, с одной стороны, предметы владения, объекты, т.е. земельные угодья, а с другой - люди, индивиды и группы. Эти люди владеют землей, наследуют ее и обрабатывают. В этой неразрывной внутренней связи между человеком и предметом его обладания и приложения трудовых усилий проявляется специфическое отношение человека к природе.

Этот аспект в понимании аграрных институтов легче всего обнаружить как раз на скандинавском материале в силу того, что здесь были записаны большие массивы таких правовых источников, каких не было на континенте Европы. Я вовсе не призываю к тому, чтобы выводы, полученные на скандинавских памятниках, механически переносить на историю других стран средневековой Европы. Речь идет о другом. Вырабатывается новый подход к материалу, новые методы, и в свете этих новых методов мы находим, что нечто подобное, может быть, в несколько стертой форме, существовало и на континенте Европы, и на Британских островах, а не только на Севере. Преимущество скандинавских средневековых источников заключается в том, что эти источники были созданы не на латыни, унаследованной от античности и не приспособленной к тому, чтобы адекватно передавать ту систему понятий, то своеобразие миропонимания, картины мира, которое было присуще людям раннего средневековья.

Я думаю, что в области социально-экономической Скандинавия могла бы дать нам весьма любопытные новые подходы для понимания природы аграрного строя на континенте Европы. И не просто потому, что они позволили бы глубже проникнуть в неповторимую специфику отношения человека средневековья к земле, но и по другой причине. Здесь обнаруживается очень важная гносеологическая сторона дела - преодолевается отчужденность, при которой культуру, миропонимание, содержание сознания людей изучает один департамент, а грубые социально-экономические структуры изучают другие специалисты, которых "идеальная" сфера не занимает. Изучая древнескандинавский одал, мы вынуждены охватить и социально-экономические и аграрные - материальные - порядки, с одной стороны, и право, менталитет и даже мифологию и поэзию этих людей - с другой. Чтобы правильнее понять материальную сторону жизни, мы включаем ее в более широкий контекст картины мира средневекового человека. Это дает нам иной концептуальный фон и открывает новые возможности для синтеза.

Теперь я хотел бы обратить ваше внимание на следующее. Как уже было сказано, источники первой половины средневековья, за редчайшими исключениями, написаны на латинском языке. Но это язык, на котором уже в начале средних веков жители Галлии и других стран

Европы постепенно переставали говорить. Они переходили на франкский диалект, на латинизированные диалекты Италии и др. Что касается жителей германских стран, то они говорили на языках, которые под влиянием латыни, конечно, частично изменились, но все же это были другие языки. За пределами Скандинавии перед нами источники преимущественно на латинском языке. Они дошли до нас в редакциях, составленных образованными людьми, прошедшими церковное, монастырское обучение, прежде всего монахами и священниками. В этих источниках отражена их картина мира, и если через нее и можно - а в ряде случаев так или иначе можно - косвенно обнаружить проблески и более широко распространенных явлений, то делать это приходится с большой осторожностью и осмотрительностью, ибо перед нами идеологизированный экран, через который пропущена вся информация. Что же делать историкам? Либо доверять источнику, считать, что так оно и было на самом деле, либо же нужно искать новые методы исследования, может быть, более сложные, косвенные, что позволит проникнуть в потаенные пласты сознания, картины мира, системы ценностей, поведения людей.

Перед нами богатейшие фонды скандинавских источников. Все они, за редчайшими исключениями, составлялись на протяжении столетий на родном для этих людей языке. В свое время Марк Блок указывал на следующую источниковедческую трудность: нужно иметь в виду, что речи людей IX—XI вв., мысливших на родном языке, переводились писцами, нотариями, юристами на латынь. Теперь же историк стоит перед задачей восстановить эти мысли в их первоизданном виде, по возможности очищенными от латинских наслоений. Эта проблема обратного перевода головоломна, но от нее нельзя уйти. Иначе стоит вопрос изучения скандинавских источников. Здесь налицо высказывания людей на том языке, на котором они мыслили, который был стихией их духовного существования. Уже одно это заставляет нас подойти с сугубым интересом к древнесеверным источникам - сагам, поэзии скальдов, руническим надписям, песням Старшей Эдды, повествованиям Младшей Эдды и другим категориям текстов, которые сохранились до нашего времени. Требуется, конечно, огромная осмотрительность, но нужно понимать, что эти сокровища бесценны, ибо здесь могут быть раскрыты другие пласты человеческого сознания, нежели те, которые могли найти выражение в латинских памятниках европейского континента. Поскольку нас занимает культурная история социального, то исландская сага представляет интерес не только и не столько в качестве литературного сочинения, сколько как средство для углубленного проникновения в социальную структуру общества.

Историко-антропологический подход мог бы привести нас к новым открытиям. В последние годы меня особенно занимает проблема истории человеческой индивидуальности, человеческой личности в средне-вековую эпоху. Рассмотрение этой проблемы кажется мне в высшей степени актуальным и вместе с тем чреватым невероятными трудно-

стями. Дело не в том, что от средних веков сохранилось сравнительно немного свидетельств такого рода. Дело в нас самих. Наши головы наполнены понятиями и представлениями, унаследованными от предыдущего столетия. Прежде всего, это представление о неуклонном прогрессе, о развитии людей от стадного состояния первобытности, от включенности индивидов в общины, в цехи и другие группы, без остатка поглощавшие индивидуальность, к индивидуализму Ренессанса и нового времени. Согласно унаследованному от традиционной историографии мнению, в средние века не было и не могло быть личности; человек был безличен, сословен, поглощен группой. Лишь в эпоху Возрождения начинается якобы тот процесс, который в свое время Ж. Мишле, а за ним Я.Буркхардт назвали "открытием мира и человека". До этого человек как бы не был открыт, он не представлял собой проблемы ни для мыслителей, ни для самого себя, он находился - я, конечно, несколько утрирую - в полубессознательном состоянии. Он не ставил вопроса, кто я, что я, каково мое место в мире, как я соотношусь с другими. Считается, что проблема самого себя, проблема self, резко не стояла, что она возникает только на заре нового времени. Историки, изучающие более ранние периоды, ею не занимались, поскольку не было самой проблемы. Есть такое выражение, напоминающее нам наше недавнее прошлое: нет человека - нет проблемы. Я бы его перевернул - нет проблемы, так нет и человека. Зачем искать человеческую личность, если такая проблема не сформулирована? Так якобы идет развитие -от нуля в начале средневековья, через Абельяра и некоторых других - к Петрарке, Монтеню, Декарту, Руссо и дальше — к торжеству индивидуализма в новое время. Таково представление о прогрессистском эволюционизме - от стадности, от коллективизма, стирающего индивидуальность, - к безудержной индивидуальности человека Ренессанса, затем XVIII в. ну, и, разумеется, в завершение всей этой картины восхождения - к индивидуальности того исследователя, который пишет о великих индивидах Ренессанса и последующих эпох. Он с ними на дружеской ноге, он такая же ярко выраженная индивидуальность, он это и ценит в них. Они отражают его. Конечно, он этого прямо не говорит. Наоборот, он говорит: разумеется, они другие, а мы имеем свои особенности. Он даже признает кризис гуманизма XX в. Его интерес продиктован самосознанием элиты. Но не есть ли это интеллектуальный научный снобизм?

Можем ли мы, изучая древность или средние века, довольствоваться подобными идеями? Для этого есть как будто основания. Документов, которые свидетельствуют о том, что человек действительно осознал самого себя, не так много. Но их и не может быть много в эпоху, когда мемуары и автобиографии еще не стали распространенным литературным жанром. Можно возразить: по-видимому, интереса к этому не было. Но надо учитывать следующее. Индивид не мог углубляться в свой внутренний мир, созерцать свою единственность и превосходство над всеми другими, поскольку был религиозно настроенным человеком

боялся впасть в самый страшный из смертных грехов - в грех гордыни. Даже люди, гордившиеся собой и своим творчеством, должны были подавлять позы к самовозвеличиванию, прикрывать их ссылками на свою необразованность, невежество, неотесанность, смирение и т.д. Это унижение паче гордости; насколько оно искренне - не нам судить. Однако в любом случае давление религиозной и этической силы было необычайно могущественным, поэтому естественно, что самовыражение индивида было в значительной мере ограниченным.

Что же я нахожу в скандинавских источниках? Но прежде - чего я там не нахожу? Здесь не было никакой общины. О городской общине в Исландии говорить не приходится, потому что первые города возникли там на рубеже XVIII-XIX вв. В средние века люди жили здесь на отдельных хуторах. Нет у них и сельской общины, они в ней не нуждаются. Поэтому называть - вслед за моим учителем А.И. Неусыхиним - простолюдинов средневековья общинниками - это значит вкладывать в определение весьма широкого слоя людей некоторую интерпретацию. Но кто же они? Это вполне эгоцентричные хозяева, озабоченные прежде всего своим благополучием, вернее, своим самосохранением, потому что об особом благополучии в весьма неблагоприятных во всех отношениях условиях полуголодной Исландии говорить не приходится. Это люди, озабоченные тем, чтобы отстоять себя, свои интересы и интересы своих ближних. Они вовсе не включены в какие-то сплоченные родовые коллективы. Вопрос о родовых связях и их значении для древних скандинавов сейчас пересмотрен, в традиционных представлениях об этом в значительной мере слышится некоторый отголосок теории родового строя, унаследованной от XIX в. Эти люди выступают в качестве индивидов с собственными целями и средствами для достижения своих эгоистических целей. Они вовсе не были стадными существами. Все гораздо сложнее.

Чему посвящена исландская семейная сага? Главный сюжет ее - это конфликт, возникающий между отдельными лицами, в который затем могут быть вовлечены более широкие группы людей. Он ведет к распре, к смертоубийству, ранению, тяжбам и т.д. Но чем вызывается этот конфликт? Могут украсть корову, отнять кусочек земли, могут палкой ударить по зубам, якобы нечаянно, могут назвать вполне почтенного мужа женоподобным - это страшное оскорбление, или безбородым, т.е. затронуть его честь. В любом случае, касается ли это собственности, имущества, семьи, жены, посягательства на жизнь и здоровье, речь идет именно об индивидуальном достоинстве. Человек озабочен своим собственным self.

В сагах перед нами общество, состоящее из индивидов. И в творчестве своем, в текстах, которые до нас дошли, они свидетельствуют о своем эгоизме, индивидуализме. Конечно, это своего рода примитивный индивидуализм. Эти люди сосредоточены на самих себе и стремятся достигнуть совершенно определенных эгоистических целей. При этом они сознают, что принадлежат к обществу, и поэтому самостийно,

без государственной власти выработали разветвленную систему права, которой худо-бедно, но подчиняются. Они регулярно посещают местные тинги или альтинг - общеисландское народное собрание, обсуждают здесь свои распри, рассуживают тяжбы и т.д. "На праве страна строится, неправьем разоряется" - они придерживаются этой правовой мудрости, правовой максимы. В рамках традиции каждый, как может, отстаивает свои интересы, прибегая к силе и помощи других.

А что мы видим в поэзии скальдов? В дохристианский период, примерно до XII в., это поэзия, в которой скальд (в отличие от анонимного автора саги) настаивает на своем индивидуальном авторстве. В этих песнях постоянно фигурирует его, стремление обозначить свою самобытность, подчеркнуть, что я, вот этот скальд, сочиняю стихи, песни, висы лучше, нежели кто-либо другой, я горжусь своим индивидуальным искусством. И это не исключение. Археологи раскопали в Усеберге, в юго-восточной Норвегии, погребение знатной женщины и нашли раздавленные под тяжестью песка и земли остатки погребального корабля. И на самом корабле, и на его штевне, особенно же на санях и повозках, которые были погребены вместе с королевой Асой, они увидели четкую резьбу. Выдающийся норвежский археолог Х. Шетелиг, который руководил этой экспедицией, в работе 1949 г. писал о разных манерах древних художников. Он называет их условно: один - "маньерист", другой - "классик", третий - "импрессионист". Применяя эти современные термины, он желал подчеркнуть, что каждый мастер творил по-своему, в своей индивидуальной, только ему присущей манере. А лапидарные тексты рунических надписей? В них не только увековечивается память о человеке, погибшем где-то за морем или совершившем какие-то подвиги. В конце говорится: эту надпись и этот рисунок вырезал такой-то. Важно было подчеркнуть, кто сделал эту надпись. Текст более или менее стандартен. Но это я сделал и я хочу, чтобы об этом знали грядущие поколения. Все погибает и все умирает, и сам ты умрешь - я вольно перефразирую эдические "Речи Высокого". Но единственное, что останется после смерти человека, - это суд о нем, его посмертная слава. Вот о чем они заботились - о своей индивидуальной репутации, о своей славе. Во всех памятниках древнескандинавской литературы мы обнаруживаем этот профилирующий мотив - отстаивание индивидом самого себя. Повторяю: это средневековый индивид, древнесеверный индивид.

Но рассмотрим названные факты в контексте соотношения медиевистики и скандинавистики. Согласно доминирующей точке зрения, в ту эпоху, к которой мы относим викингов, никакой индивидуальности не было, она возникнет в конце средневековья - начале нового времени, не раньше Возрождения. Однако в древнескандинавских источниках мы увидели совершенно обратную картину - торжество специфического индивидуализма, отстаивание человеком своего собственного self, своего человеческого достоинства, за что ему не жалко ничего, включая не только жизнь других людей, но и собственную. И все это пышным цве-

том цветет в начале средневековья. Когда же происходит христианизация и система христианских ценностей начинает интериоризироваться сознанием людей, тогда и скальды все меньше начинают говорить: "Я, я, я...". Это становится несовместимым с учением о грехе гордыни. Таким образом, отсутствие в поле зрения медиевиста скандинавского материала оказывается препятствием для понимания того, как происходило дело.

Идея поступательного движения, развития, эволюции человеческой индивидуальности, сохраняющаяся в научной литературе вплоть до наших дней, должна быть, мне кажется, пересмотрена. Она уже пересматривается. Моя книга об индивиде в средневековой Европе впервые вышла в немецком переводе (на русском языке ее еще нет) в 1994 г. В 1996 г. в Кёльне состоялась международная конференция, посвященная теме "Личность и индивидуальность в средние века". Она показала, что, к сожалению, источники используются все те же, о процессе индивидуации судят по тому, что говорили об этом схоласты. Но мыслители, философы средневековья говорят об индивидуации в таком абстрактном смысле, что трудно понять, идет ли речь о божественных сущностях, о человеческих индивидах или о каких-нибудь камнях, птицах и т.д., ибо все в божьем творении подвержено процессу индивидуации. Но ведь это вовсе не тот процесс, о котором мы говорим. О том, что происходило с людьми, участники этой конференции ничего не сказали, за исключением одного-двух специалистов.

Радикального перелома в подходе к проблеме человеческой личности до сих пор нет. Я думаю, что привлечение скандинавского материала должно помочь пересмотреть устоявшиеся координаты в исторической мысли. Об этом можно и нужно говорить более подробно; здесь же мне важно было указать на существенность этой проблемы. Традиция, согласно которой скандинавские штудии оказываются отрезанными от общемедиевальных исследований, все более и более обнаруживает свою порочность и, как мне кажется, не только и не столько для скандинавистов, поскольку квалифицированные скандинависты все-таки следят за тем, что происходит в медиевистике в целом, но прежде всего для медиевистов, не являющихся специалистами в области скандинавской истории. Новые проникновения вглубь человеческого сознания можно совершить, если подойти к проблеме с осмотрительностью, без поверхностного переноса выводов, полученных на одном материале на другие регионы, но понимая, какие проблемы могут быть обсуждены и что нужно проверить по источникам. Это было бы определенным достижением для медиевистики и обогатило бы нашу исследовательскую мысль.